

№2
(1322)

февраль
2015

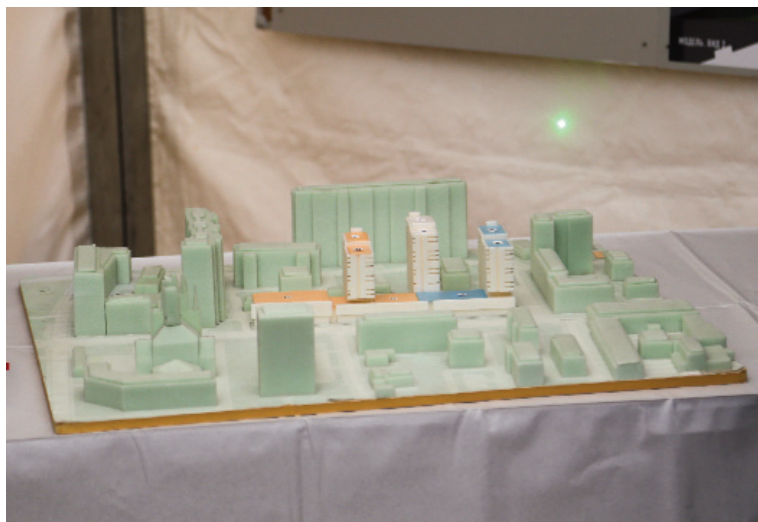
РОССИЙСКИЙ МУЗЫКАНТ

выходит с 1938 года

ГАЗЕТА МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТОРИИ ИМЕНИ П. И. ЧАЙКОВСКОГО

БЕЗ ПРОШЛОГО НЕТ БУДУЩЕГО

«Каждое поколение, благодарно вспоминая предшественников, стремится оставить свой добрый след на земле для грядущих потомков. В этом – суть бытия: без прошлого нет будущего. И ныне, находясь на пороге своего 150-летия, Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского свято хранит унаследованный ею храм искусства, возведенный более века назад великолепный памятник архитектуры, из которого вышли многие тысячи талантливых музыкантов, прославивших свою отчизну; и одновременно созидает новое, также во имя продолжения славных традиций и преемственности поколений. Сегодня на этом месте закладывается фундамент уникального многофункционального студенческого комплекса, в котором будут обеспечены все условия для полноценной жизни и творчества новых поколений консерваторцев. Это стало возможным благодаря всемерной поддержке государства – Правительства России и Правительства Москвы. В этом – счастливый удел нашего поколения. Мы верим в Будущее и надеемся, что и нас вспомнят добрым словом.»

Это слова, обращенные к будущим консерваторцам. Морозным зимним днем 27 января 2015 года, в день начала строительства нового студенческого жилого комплекса на М. Грузинской, состоялась символическая закладка капсулы с посланием для новых поколений. В торжественном событии помимо ректора Московской консерватории Александра Сергеевича Соколова участие приняли Министр культуры России Владимир Ростиславович Мединский и Митрополит Волоколамский Иларион.

Все они говорили о необходимости подобных зданий, которые позволят привлечь новых иногородних и иностранных студентов. «С каждым годом у нас становится все больше студентов из российской провинции. Мы заинтересованы в том, чтобы сила русского искусства разносилась по миру не только нашими соотечественниками, но и иностранцами, которые все больше к нам стремятся. Все они должны жить в своем доме. И такая возможность у них появится», – отметил ректор. Он назвал будущий комплекс иностранным словом «кампус», что звучало совершенно правомерно, ведь в случае, если проект будет реализован так, как

задуман, студенты обретут не новую «общагу», со всем негативом, вложенным в это слово, но настоящий, по-европейски комфортный дом.

«Можно много спорить о конкурентоспособности российского образования в разных его направлениях. Но одна вещь абсолютно бесспорна: российское музыкальное образование является мировым стандартом, является ориентиром для музыкальных школ всего мира. И Московская консерватория – это уникальный мировой бренд, который мы должны поддерживать. Поэтому мы направляем большие усилия и на реставрацию исторического комплекса зданий в центре, и на создание этого кампуса», – заявил на церемонии открытия министр культуры. Хочется верить, что подобные реставрация и реконструкция действительно помогут нашей Alma mater стать лучшей не только в сфере образования, но и в области жилищных условий для обучающихся.

Важной фигурой на торжественном мероприятии стал Митрополит Иларион, который провел обряд освящения начала строительства. Не будем забывать, что Митрополит Иларион имеет непосредственное отношение к Московской консерватории, будучи выпускником композиторского факультета и действующим композитором. «Я как человек, который учился в консерватории, хотел бы пожелать своей Alma mater помощи Божьей в том, чтобы и дальше высоко нести знамя русской музыки, хотел бы пожелать успехов ректору консерватории, ее учащим и учащимся. Пусть Господь всех нас хранит и благословляет на многая и благая лета», – обратился он ко всем присутствующим.

Проект, который в настоящий момент существует лишь в виде

макета, поражает своей грандиозностью. Кампус будет состоять из трех современных высотных корпусов разной этажности, расположенных перпендикулярно Малой Грузинской улице. В нем смогут разместиться 900 человек, к услугам которых будут предоставлены репетитории, актовый и киноконцертный залы, спортивно-оздоровительный комплекс с бассейном, медицинский блок, а также кафе и столовая. Свои транспортные средства проживающие смогут разместить в подземном паркинге на 90 автомобилей и 150 велосипедов.

Радует также то, что проектировщики нестандартно подошли и к внешнему виду здания. Архитекторы спроектировали будущие высотки таким образом, что издали в них будут угадываться музыкальные клавиатуры, а здание, скрепляющее их, будет декорировано подобием нотного стана со звуками, интервалами и аккордами на нем...

Хорошо помню, когда началась моя студенческая жизнь в Московской консерватории – 1 сентября 2011 года, – ректор сказал нам, что скоро пойдет строительство. С тех пор мы все жили в ожидании чуда, но время шло, а привезенные на задний двор общежития сваи сиротливо лежали и смотрели на смену времен года. И вот – долгожданное строительство открыто! Его планируется вести таким образом, чтобы не отселять проживающих в общежитии студентов. Завершится это грандиозное действие должно уже к концу 2017 года. От себя добавлю лишь то, что безмерно радуюсь и даже немного завидую тем, кто сможет провести лучшие годы своей жизни в столь чудесном месте.

Людмила Сундукова,
сбор «РМ»
Фото Дениса Рылова

КОНСЕРВАТОРСКАЯ ЖИЗНЬ

ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА

Орган Большого зала Московской консерватории – исторический художественный памятник мирового значения. Последний орган великого французского мастера Аристида Кавайе-Коля (1811–1899) был завершён в 1899 году. Созданный по заказу России для нового концертного зала в Московской консерватории, он по согласованию с дирекцией РМО и В. И. Сафоновым сначала был представлен в Париже на X Всемирной выставке (1900) в парадном зале Русской секции. Во время выставки состоялся концерт виднейших французских органистов (Эжен Жигу, Александр Гильман, Луи Вьерн, Шарль-Мари Видор). Орган был удостоен высшей награды выставки «Гран-при» и Золотой медали. И уже затем был перевезён и установлен в Москве (1900–1901).

Необходимость реставрации великого органа назрела давно. С момента его установки на сцене БЗК несколько раз проводились ремонтные работы, но полноценной реставрации не было ни разу. После блестяще реализованных реставрационно-строительных работ в Большом зале предполагалось, что их заключительным этапом станет реставрация органа.

1 и 2 декабря ушедшего года в Московской консерватории состоялось заседание международной комиссии экспертов по реставрации органа фирмы «Кавайе-Коль» («A. Cavaille-Coll»). Во главе с ректором Московской консерватории, профессором А. С. Соколовым в нее вошли авторитетные органисты и органы мастера: ректор Казанской консерватории, профессор Рубин Абдуллин; профессор Штутгартской Высшей школы музыки и театра Людгер Ломанн (Германия); главный органист собора Святого Сердца Христова на Монмартре в Париже Габриель Маргьери (Франция); профессор Высшей школы музыки в Граце Гюнтер Рост (Австрия); профессор Парижской Высшей национальной консерватории музыки и танца Эдуар Оганесян (Франция); доктор искусствоведения, член Национальной комиссии Франции по охране и реставрации исторических органов Марина Чебуркина (Франция); профессор Высшей школы музыки в Любеке (Германия), заведующая кафедрой органа и клавирина Московской консерватории, профессор Наталья Гуреева и др. Когорту органных мастеров представляли Дени Лакор (Франция), Наталья Малина, Александр Кравчук, Владислав Иодис, Артём Хачатуров, Андрей Шаталов (Россия). После осмотра органа комиссией фирма «Ригер» представила на утверждение экспертного совета план реставрации.

К восстановлению прославленного инструмента, который молчит уже более четырех лет, приковано внимание всей музыкальной общности. Его будущее волнует и наших чита-

телей. По поручению газеты «Российский музыкант» органистка Олеся Кравченко побеседовала с заведующей кафедрой органа и клавирина, профессором Н. Н. Гуреевой.

- Наталья Николаевна, долгожданная реставрация органа Большого зала начинается. Кто будет проводить реставрационные работы?

- Первоначально шли длительные переговоры со швейцарской фирмой «Кун» («Kuhn»), которая имеет значительный опыт реставрации органов «Кавайе-Коль». У органов этой знаменитой, но прекратившей свое существование французской фирмы, есть ряд существенных конструктивных особенностей, поэтому этот опыт был нам очень важен. В мае 2014 года согласно законам Российской Федерации был проведен конкурс на проведение реставрационных работ

России фирма, прекрасно технически оснащенная, обладающая современными техническими возможностями, но, к сожалению, не реставрировавшая ни одного органа «Кавайе-Коль». В

года реставрация должна закончиться.

- Важный вопрос: не повредит ли органу его перевозка из одних климатических условий в совершенно другие?

результате было решено создать экспертный совет, целью которого будет наблюдение и контроль всего длительного хода реставрации. К ноябрю 2014 года фирма «Ригер» представила подробный план реставрационных работ.

- И каков этот план и сроки реставрации органа?

- Первоначально предполагалось, и это было оговорено с фирмой «Кун», что вся реставрация будет производиться у нас, на месте, то есть они привезут оборудование в Москву. Но в настоящее время вопрос решился по-иному. Директор фирмы «Ригер» господин Венделин Эберле заявил, что современные технологии и оборудование,

Этот вопрос поднимался на заседании экспертной комиссии. Однако господин Эберле заявил нас, что при перевозке деталей органа будут приняты все необходимые средства, позволяющие сделать это без вреда инструменту. Также был рассмотрен вопрос о влажности воздуха в помещении, величина которой крайне важна для нормального функционирования инструмента. Н. В. Малина настоятельно рекомендовала сохранить и на фабрике, и после ремонта необходимые для органа 50 % влажности.

- Будут ли органные мастера Московской консерватории участвовать в реставрационных работах?

органа Большого зала, в результате которого победила фирма «ООО Рояль» (Санкт-Петербург) – фирма-посредник, которая, в свою очередь, представила австрийскую фирму «Ригер» («Rieger»). «Ригер» – известная в

которыми фирма располагает у себя, значительно облегчат работу. Таким образом, целый ряд деталей поедет на фабрику «Ригер» в Австрию. Начало реставрационных работ придется на март 2015, к 31 августа 2016

Непосредственно заниматься реставрацией органа они не будут. Но на заседании комиссии было принято решение о том, что хранитель органа Большого зала Н. В. Малина будет наблюдать за всем процессом

ремонта, включая посещения фабрики «Ригер».

- Как решится вопрос с интонировкой органа (настройка труб, от которой зависит «лицо» каждого инструмента)? Кто будет ее проводить?

- Мы изначально хотели, чтобы работы по интонировке органа «Кавайе-Коль» вел французский интонировщик. И этот вопрос решен положительно: приглашен авторитетный французский эксперт в вопросах интонировки господин Дени Лакор, который еще до ремонта Большого зала подробно осматривал орган. Весь период реставрации он будет сотрудничать с фирмой «Ригер».

- Наталья Николаевна, известен тот факт, что сразу после установки органа в 1901 году, по инициативе известного французского органиста и композитора Шарля Мари Видора в органе были произведены изменения, коснувшиеся диспозиции органа (позитива). К какому виду будет приведен инструмент в ходе реставрации?

- На заседании комиссии экспертов было принято решение признать состояние органа, в котором он первоначально появился в Московской консерватории, аутентичным и восстановить именно этот облик инструмента. В связи с восстановлением аутентичной диспозиции органа поднялся вопрос о регистре *Unda Maris*. Считалось, что этот регистр, присутствовавший в первоначальной диспозиции инструмента, был заменен на *Flûte conique* при установке органа в Москве. Однако доктор искусствоведения, органистка Марина Чебуркина (Франция) представила комиссии доказательства (французскую газету начала XX века), в которых документально подтверждается, что регистр *Unda Maris* отсутствовал уже и на Парижской выставке, где орган был представлен перед его установкой в Москве.

- Есть ли проблемы с другими деталями органа?

- Во время Великой отечественной войны, а также в процессе ремонтов органа в 1958 (фирма «Ламанн», Лейпциг) и 1968 (фирма «Зауэр», Франфурт-на-Одере) годах была утрачена часть труб. Эти трубы утрачены навсегда, но у фирмы «А. Шукке» (Потсдам) сохранились документы с расчетами их мензур. На заседании экспертной комиссии было решено поручить Н. В. Малиной подготовить письмо от консерватории на фирму «А. Шукке» с просьбой предоставить нам материалы по этому вопросу.

- Как часто будет собираться экспертная комиссия?

- Следующее заседание комиссии запланировано на июнь 2015 года. Предварительные решения могут приниматься комиссией в сокращенном составе. Также возможен и виртуальный контакт членов экспертного совета.

Беседовала Олеся Кравченко
Фото Эмиля Матвеева

IN MEMORIAM

ПОКОЛЕНИЕ ВЕЛИКИХ

Уходит поколение пианистов, получившее мастерство из рук в руки от наших великих учителей. Вера Васильевна Горностаева олицетворяла собой ту ветвь фортепианной педагогики, которая через Генриха Густавовича Нейгауза, через его учителя и дядю Феликса Михайловича Блуменфельда ведет свое начало непосредственно от традиций «Могучей кучки» и Антона Рубинштейна...

Потери последних лет – катастрофичны. Вот и Вера Горностаева ушла! Безвременно! Внезапно! С ее уходом мы потеряли авторитетнейший голос профессионала, музыканта огромного опыта, носителя фортепианной школы, воспитавшей не одно поколение выдающихся пианистов. Большая утрата всегда заставляет острее всматриваться в будущее и оглядываться на свои корни. Вспомним, что вели-

кий Эмиль Григорьевич Гилельс, будучи уже всемирно признанным, продолжал всю жизнь совершенствовать свое мастерство. Мечтал пройти Третий Концерт Рахманинова с Константином Николаевичем Игумновым. Это ли не свидетельство глубочайшей сущности русской фортепианной школы, ее идейной глубины?!

У меня сохранилось письмо Э. Г. Гилельса, где он говорит о пьете, с которым относится к своим учителям и коллегам по Московской консерватории. К сожалению его современников, даже младших, становится все меньше. Думается, что сегодня – то время, когда все направления великой школы русского пианизма должны быть в едином стремлении сохранить ее основы, не дать измельчить и ополить их, не дать уйти с пути «по центру»...

Римма Хананина

До последнего предела своей земной судьбы, щедро наполненной творческими и человеческими исканиями, свершениями, достижениями, Вера Васильевна Горностаева обезоруживала и покоряла всех, кто имел счастливую возможность к ней приблизиться, какой-то особой, неотразимой, только ей присущей женственностью. Мне же всегда казалось, что эта чуть ли не «вечная женственность» поразительно органично переплеталась у нее с совсем иными чертами. Сила ее духа, мощь интеллекта,

цепко и плодотворно проникавшего не только в глубины музыкальных сопредельных сфер, вызвали в памяти образы универсальных мужских умов европейского Ренессанса. А душевная страстность, безоглядная пылкость эмоциональных движений и жестов невольно ассоциировались с вечно юной поэтической непредсказуемостью творцов мифа о романтическом «Давидсбюнде»...

Как ни горестно это осознавать, уже почти не остается фигур, лично соразмерных не только величественному собирательно-воображаемому зданию мировой культуры, но и нашему неотъемлемому от него храму, именуемому Московской Консерваторией. Вера Васильевна, несомненно, входила в это сообщество избранных. И когда свершилось непоправимое, первым делом подумалось, что стены не выдержат удара, прогнутся и обрушатся – ведь она была некой кариатидой, некой опорной и вместе с тем несущей вперед силой! Но нет, не рухнул наш дом, ибо никуда не девается чудодейственная энергия, накопленная по мере свершения этого подвига стояния, удерживания, одушевления. Энергии этой, излучения этого должно хватить надолго. Только бы нам не изуродовать этот живой вопреки всему памятник неуклюжими реконструкциями-переделками, а бережно и любовно изучать, реставрировать его, черпая из него творческие силы и храня для будущих поколений.

Рувим Островский

22 января музыкальная Москва простилась с выдающимся музыкантом Верой Васильевной Горностаевой. Я стоял в густой толпе пришедших попрощаться, среди которых было много известных музыкантов, и вместе со всеми слушал записи Веры Васильевны. Она играла Шопена, Рахманинова, Прокофьева, затем снова Шопена, так что могло показаться, что, в сущности, мы все присутствуем на ее прощальном концерте. И мне почудилось, что самым главным в эти минуты были даже не те проникновенные слова, которые говорились друзьями и родными, а вот эта тихо льющаяся, преисполненная великой печали музыка, – музыка, которая как бы прощалась с той, кто ее воссоздал за роляем.

Вера Васильевна не только была одной из учениц великого музыканта Генриха Нейгауза, но оказалась, по всей видимости, единственной среди них, кто унаследовал от него не только тонкое чувство поэзии фортепианной игры, но и почти весь букет дарований, которыми был наделен этот необыкновенный человек. Почти десять лет тому назад на панихиде по Льву Николаевичу Наумову, также ученику Нейгауза, она произнесла очень важные слова: «он был не такой как все мы». Мне кажется, что те же самые слова можно было бы сказать и в ее адрес.

В ней действительно счастливо сошлись разные дарования, она, конечно, была не только прекрасной пианисткой и замечательным педагогом, но была наделена и каким-то особым вкусом к литературе и поэзии, так что не удивительно,

что среди ее друзей было немало известных литераторов.

Подобно своему учителю, она постоянно выходила за рамки фортепианной игры, погружая ученика не просто в поиски решения самых сложных пианистических или стилевых задач – в чем она, кстати, была великим мастером – но и открывала перед ним, например, цитируя на память стихи какого-нибудь великого поэта, но чаще всего Бориса Пастернака, те неведомые глубины и пространства, которые таит в себе великая музыка и которые она таким путем стремилась передать воображению ученика.

Ее явное сродство с Нейгаузом состояло и в том, что, подобно ему, она была не только блестящим оратором и мастером открытых уроков, но и замечательным музыкальным писателем. Ее книга «Два часа перед концертом» – тому свидетельство, хотя и далеко не единственное.

Она была чрезвычайно артистичным, блестящим, разносторонне эрудированным человеком, так что смотреть по телевидению ее «Беседы у роля» или даже просто сидеть в ее классе было всегда необыкновенно интересно. Еще ей было суждено стать счастливой мамой и счастливой бабушкой. И дожить до первых триумфов своего любимого внука Лукаса.

...Я пишу эти строки, а в моей памяти всплывают звуки ля-минорной мазурки Шопена. И мне кажется, что именно с ними от нас уходит Вера Васильевна, – уходит лишь для того, чтобы навсегда остаться в нашей памяти.

Андрей Хитрук

Вера Горностаева

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

(памяти Льва Наумова)

Пытаюсь вспомнить сейчас, когда же мы все-таки познакомились... Я поступила к Нейгаузу в 1948 году... Да, тогда же и познакомились!

У Лёвы очень интересная судьба. Он учился как композитор. Композиторы должны проходить общее фортепиано, и он учился по «общему фортепиано»... у Нейгауза. Ходил на уроки и был полноценным учеником класса Нейгауза, играл на классных вечерах, даже на конкурсе играл... Нейгауз его очень любил, выделял, это было заметно во всем. Потом, он же играл необыкновенно хорошо! Я помню его Четвертый концерт Бетховена, g-moll'ную Английскую сюиту Баха... А в первый раз я слышала, как он играл в Малом зале Прелюдии Кабалева, которые в его исполнении показались мне тогда совершенно гениальной музыкой.

Лёва жил в своем особом мире. А реальный мир возник, когда появилась Ира и стала как бы стержнем всех его дел. Мы учились с Ирой на одном курсе. Она была дружна со Светиком – так звали в детстве Рихтера (они оба из Житомира). Слава помог ей устроиться в консерваторию к Нейгаузу.

Как-то Ира рассказала мне по секрету, что влюблена в Лёву. Я ответила: «Я тоже». В него было очень сложно не влюбиться. Это чувствовалось с первого момента знакомства с ним. В нем не

было распушенности, развязности, часто свойственной студенчеству. Неразговорчивый, замкнутый, но когда улыбался, вдруг освещалось, озарялось лицо. До последних дней в нем была красота и благородство во всем...

Однажды Ирочка мне говорит: «Я перечитала „Онегина“ и написала ему письмо». Я подумала: «Ну вот, опередила меня, если бы ты это не сделала, я бы напи-

они, постепенно сближаясь, поженились. Всю жизнь эти двое людей со мной постоянно общались. Позднее нас соединяло то, что 15 лет мы работали на музыкальных семинарах во Франции в Туре. У нас были теплые и ровные отношения, без единой кошки, которая могла бы пробежать между нами.

Ира умерла полтора года назад, и Лёва пережил ее совсем ненадолго. После ее смерти все

В эссе конкурса. Ленинград (1977)

сала ему сама! После этого письма они стали играть вместе в 4 руки. Он чудесно читал с листа, и Ирочка играла очень хорошо. Временами я что-то узнавала о том, как продвигается роман; в конце концов, кончилось тем, что

изменилось. Он отказывался от поездок (его же постоянно приглашали – он был всемирно известным музыкантом, а без нее ехать никуда не хотел – боялся). Ира была чрезвычайно способной к иностранным языкам. Она

Десять лет назад я попросила В. В. Горностаеву написать о Л. Н. Наумове (1925–2005). Поговорить о нем, поделиться своими чувствами ей очень хотелось, а писать было некогда. По ее просьбе я приехала к ней домой, и из ее рассказа получился теплый портрет только что ушедшего коллеги и друга, который мы опубликовали («РМ», 2005, № 6, октябрь). Сегодня этот монолог может быть интересен читателям и потому, что Московская консерватория широко отмечает 90-летие Л. Н. Наумова, и потому, что он воспринимается как тонкая зарисовка самой Веры Васильевны, так внезапно покинувшей нас...

Т. Курьшова

сидела на всех мастер-классах и переводила – переводила Наумова на понятный Западу язык. Нужно было упрощать: он говорил замечательные вещи – талантливые ученики его понимали, но были и такие, которым надо было объяснять – так, как умела это делать Ира. Она была как бы осяю, на которой держалась его жизнь. Это было ей не легко, но она его любила и всегда охраняла. Следила за его едой, одеждой, за расписанием уроков, за всем. Он всегда был при ней очень ухоженным.

После смерти Ирочки их милая, добрая, очаровательная дочка Наташа, как могла, старалась организовать жизнь Лёвы. Его привозили и увозили на машине студенты, его нельзя было пускать одного по Москве. Лёва не был готов к этой сегодняшней деловой жизни. Непрактичный человек – художник, он жил в ином мире и постоянно находился в своем внутреннем пространстве. Помню, он слушал музыку в консерватории на балконе Малого зала и нельзя было понять, то ли он внимательно слушает, то ли уже отвлекся на что-то свое. И вдруг, если кто-нибудь очень хорошо играл, у него загорались глаза и было видно, что он восторженно слушает.

Меня, конечно, очень интересовало Лёвино преподавание. Огромным талантом был наделен этот человек – композитор, пианист и, как вскоре выяснилось, гениальный педагог, абсолютно ни на кого не похожий. У меня сохранились видеозаписи Лёвиных уроков, и я их очень люблю.

Музыка для него была тайной, которую он умел выразить неожиданными словами. Например, как-то о Равеле: «Понимаешь, эти гармонии должны быть как „отравленные орхидеи“». Я до сих пор этот образ вспоминаю с восхищением. Его достаточно дерзкие музыкальные прочтения, которые талантливые ученики реализовывали, вызывали у более консервативно мыслящих педагогов неудовольствие и нападки. Выслушав их, я как-то ему сказала: «Ты совсем ушел в какой-то „во что бы то ни стало“ яркий стиль!» Он смеясь ответил: «Безумно надоела серость. Готов найти что-нибудь, что увело бы от скуки и банальности!».

Педагог вынужден повторять, но Лёва повторять не мог. Мысль не останавливалась. У него было обостренное ощущение странности бытия. И это то, что он слышал в музыке и чему пытался научить.

(окончание на с. 4)

ФЕСТИВАЛЬ

В АТМОСФЕРЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ТРАДИЦИЙ

Народный артист СССР, профессор **Виктор Карпович Мержанов (1919–2012)**, будучи учителем для многих и многих музыкантов, уже стал легендой. В декабре-январе Московская консерватория провела **Международный фестиваль, посвященный 95-летию со дня рождения Маэстро**. Масштаб мероприятия придало не только количество концертов, широта репертуара, стилевое разнообразие музыки, но и состав артистов, высокий профессионализм которых свидетельствовал о преемственности великих традиций русской пианистической школы. Среди участников и слушателей не было никого, кто не помнил бы его личного обаяния, таланта, мастерства, преданности делу, исторических заслуг...

Участники концерта в Архиповском салоне 16 декабря

Фестиваль открылся концертом в Большом зале консерватории, где выступали пианисты из разных стран – **Атанас Куртев**, **Наталья Деева**, **Анаит Нерсесян**, **Юрий Диденко**, **Садакацу Цчида**. В последующих концертах в Рахманиновском зале играли выпускники класса В. К. Мержанова – профессора и студенты учебных заведений России, Армении, Японии, Китая, Австрии, Нидерландов, Эстонии, Украины, Белоруссии и другие музыканты (**Максим**

Федотов, **Оксана Лесничая**), а также педагоги кафедры проф. В. В. Горностаевой. В череде вечеров особенно выделялись сольные выступления профессора **Юрия Слесарева**, доцента **Михаила Лидского**, лауреатов международного конкурса пианистов, проходящего в Болгарии и недавно получившего имя В. К. Мержанова, – **Евгения Тарасовой**, **Ильи Шмуклера** и **Михаила Ковалева**.

Необычный вечер русской и армянской музыки с участием **Александра Малкуса** (фортепиано) и **Марлены Мош** (вокал) прошел в Концертном зале им. Н. Я. Мясковского. Выступления представителей разных стран и поколений, победителей конкурса его имени разных лет из России, Китая, Тайваня, Польши, Беларуси состоялись в Мемориальном музее С. С. Прокофьева, Государственном

мемориальном музее А. Н. Скрябина и Архиповском музыкальном салоне на Никитской. Интересные мероприятия, включая презентацию рояля В. Мержанова, прошли и в Тамбове. В фестивале также приняли участие прославленные коллективы: симфонический оркестр Министерства обороны РФ (дирижер – народный артист РФ, генерал-лейтенант **Валерий Халилов**) и камерный оркестр «Santus Firmus» (дирижер – **Александр Хургина**).

Второй концерт фестиваля 17 декабря объединил на сцене Рахманиновского зала учеников профессора В. К. Мержанова и известных музыкантов, для которых маэстро был близким другом и музыкальным наставником. С самого начала ведущая программы, супруга Виктора Карповича, заслуженная артистка России и Татарстана **Светлана Мержанова** создала в зале необыкновенно доверительную и теплую атмосферу.

Михаил Рыба достойно исполнил II и III части ре-минорного концерта И. С. Баха в сопровождении камерного оркестра «Santus Firmus» под руководством **Александра Хургина**, звучание которого придало вечеру особую торжественную атмосферу. Прекрасное выступление **Юрия Слесарева** с Ноктюрном фа-мажор и Этюдом фа-мажор соч. 10 Ф. Шопена запомнилось блестящим пианистическим мастерством и выразительным прочтением партии левой руки в этюде Шопена. Гость фестиваля – профессор Национальной музыкальной академии им. П. Владигерова **Атанас Куртев** в Скерцо cis-moll Ф. Шопена продемонстрировал техническое мастерство и прекрасную звуковую культуру. В его интерпретации лирические, мягкие образы пьесы проявились ярче главного (Presto con fuoco). Еще один участник вечера – белорусский пианист **Павел Нетук** с блеском сыграл Кампанеллу Ф. Листа. Среди других музыкантов наиболее яркое впечатление оставило виртуозное исполнение Лезгинки Ляпунова **Верой Зыряновой**. Во втором отделении **Анаит Нерсесян** с большим успехом исполнила Поэму Арно Бабаджаняна, заслужив бурные овации своей звуковой фантазией, безупречным пианистическим мастерством и истинным артистизмом.

Программа концерта была насыщенной и отражала значительный масштаб творческой лич-

А. Куртев на концерте 14 декабря. Фото из архива Центрального военного оркестра Министерства Обороны РФ

ности Виктора Карповича и его музыкальные предпочтения. Слушатели концерта вместе с исполнителями ощутили особую связь фортепианной школы Мержанова с различными направлениями: барокко, романтизмом и, конечно, русской музыкой (Чайковский, Рахманинов, Скрябин, Прокофьев).

Памятным стал и другой вечер. 21 декабря проф. Ю. С. Слесарев, полвека бок о бок проработавший с Виктором Карповичем, с большим размахом исполнил сочинения В. А. Моцарта, Ф. Шуберта и М. П. Мусоргского. На «бис» превосходно прозвучали две прелюдии Ф. Шопена.

Маэстро часто говорил своим ученикам о том, что музыка имеет много общего с риторикой и подоб-

на выразительной литературной речи. Замечательная книга В. К. Мержанова, уже переведенная на несколько языков, так и называется «Музыка должна разговаривать». Выступления учеников профессора на концертах фестиваля свидетельствовали о том, что Учитель передал им одну из своих драгоценных заповедей. И при всей неповторимости творческой индивидуальности каждого из пианистов, многое их объединяло, ведь они принадлежат одной фортепианной школе – профессора Мержанова. Все участники, наверное, испытывали особое чувство ответственности, думая о том, как бы Виктор Карпович оценил их игру – Учителя продолжают учить, даже когда молчат.

Собор «РМ»

Участники концерта в Рахманиновском зале 17 декабря

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

(начало на с. 3)

На наших консерваторских обсуждениях он бывал молчалив. Все что-то говорили, критиковали, а Лёва всегда сдержанно и доброжелательно ставил «5». Как-то я стала его задирать и сказала: «Лёва, ведь это от равнодушия? Почему ты так оцениваешь?». Он ответил: «Разница не очень большая. Вот когда будет большая разница, я скажу».

О своих учениках отзывался с нежностью. Я помню случай, когда позволила себе отрицательное суждение о его ученике. Кто-то меня поддержал... Но дальше – тишина. Лёва молчит, лицо расстроенное. Тогда я спрашиваю: «Лёвочка, ну ты скажи что-нибудь по этому поводу. Что ты думаешь?». Он говорит: «Не знаю. Я его очень люблю». Он огорчился, но не огрызнулся, не вступал в дискуссию. Держался деликатно со всеми.

У него было очень много учеников, он всегда был перегружен. Учил вдохновенно (в Туре имела возможность это наблюдать). Хотелось понять разницу

между моим и Лёвиным преподаванием. Я всегда начинаю с общего: ученик сыграл – говорю целиком о сочинении, подробно вникая в смысл музыки. Но когда я пришла послушать Лёвочку, меня поразило, что стратегия его урока совсем иная: он как бы идет от деталей, даже от какой-то одной детали. Вслушивается вместе с учеником в эту деталь, объясняя ее много раз. Я подумала: «Что же это он так, на одном месте? А почему о целом не говорит?». Занятия заканчивались, а потом был уникальный результат: человек приходил на следующий урок и играл то же сочинение, но совсем по-другому. Видимо, Лёва через какую-то деталь мог объяснить целое.

Как преподавал Нейгауз? Мы с Лёвой говорили об этом. Он сказал: «Мы взяли от Генриха (Г. Г. Нейгауза. – Ред.) все, что могли, кто сколько смог, но все равно остались сами собой. И каждый из нас, как умеет, реализует, воплощает то, что понял. Сказать, что кто-то из нас фотографировал Нейгауза – нет! Это невоз-

можно». Как преподавал Нейгауз? Очень по-разному. Иногда сидит, молчит, вообще ни слова не скажет. Иногда вдохновится (это еще от ученика зависело и от произведений) и конца не видно занятиям, на часы не смотрит, работает, совершенно не замечая времени, увлекаясь и увлекая за собой. Это ни в какие каноны не влезает...

Мы одного поколения с Лёвой. Но у него я тоже училась, потому что, наблюдая его годами, нельзя было чему-то не научиться. Он любил музыку. Не знаю, что в жизни он еще так любил. Это было, по-моему, самым главным утешением. Он расцветал за роялем. Помню, как чудесно вместе с Наседкиным играл в Большом зале Es-dig'ный двойной концерт Моцарта со своими каденциями. Мог быть замечательным пианистом, композитором, но ушел в преподавание – так сложилось. Может быть, к этому его подтолкнула жизнь: он ощутил в себе педагогическое призвание и пошел по этому нелегкому пути. Ясно, что при столь богатом таланте у него был не один путь...

Очень живой, тонкий и чуткий, он слышал в музыке многое такое, чего обычные люди не слышат, и потому так интересно преподавал. Молодежь к нему просто валом валала.

С ним связана вся моя юность. Более полувека мы прожили рядом. До последнего дня

не ощущала его старым. Врожденно элегантный человек. Когда видела его издали идущего по коридору, мною овладевала радость. Я никого в консерватории не любила так, как Лёву. Любила всю жизнь, глубоко, нежно и, потеряв, никогда не смогу забыть. Никогда.

Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского объявляет конкурс на замещение вакантных должностей сотрудников и профессорско-преподавательского состава по подразделениям и кафедрам:

Кафедра истории зарубежной музыки – доцент (1,0);
Кафедра истории русской музыки – профессор (1,0);
Кафедра хорового дирижирования – профессор (0,5);
Кафедра деревянных духовых и ударных инструментов – доцент (1,0);
Межфакультетская кафедра фортепиано – ст. преподаватель (1,0);
Научно-издательский центр «Московская консерватория» – ст. науч. сотр. (1,0);
Научно-творческий центр современной музыки – науч. сотр. (0,5);
Научный центр народной музыки имени К. В. Квитки – ст. науч. сотр. (1,0), науч. сотр. (0,5);
Кафедра гуманитарных наук – доцент (0,5)

Главный редактор:
профессор Т. А. Курышева
Ответственный редактор и
оригинал-макет:
М. В. Переверзева
Редактор: О. Ю. Арделяну
Сдано в печать: 13.02.2015

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 13
e-mail: gazeta@mosconsrv.ru
Интернет: rm.mosconsrv.ru
Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-37912
ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА
НА ГАЗЕТУ ОБЯЗАТЕЛЬНА